

28.6

Щ-61

БОРИС ЩЕРБАКОВ

У ОЗЕРА ЗВЕНЯЩИХ КОЛОКОЛОВ

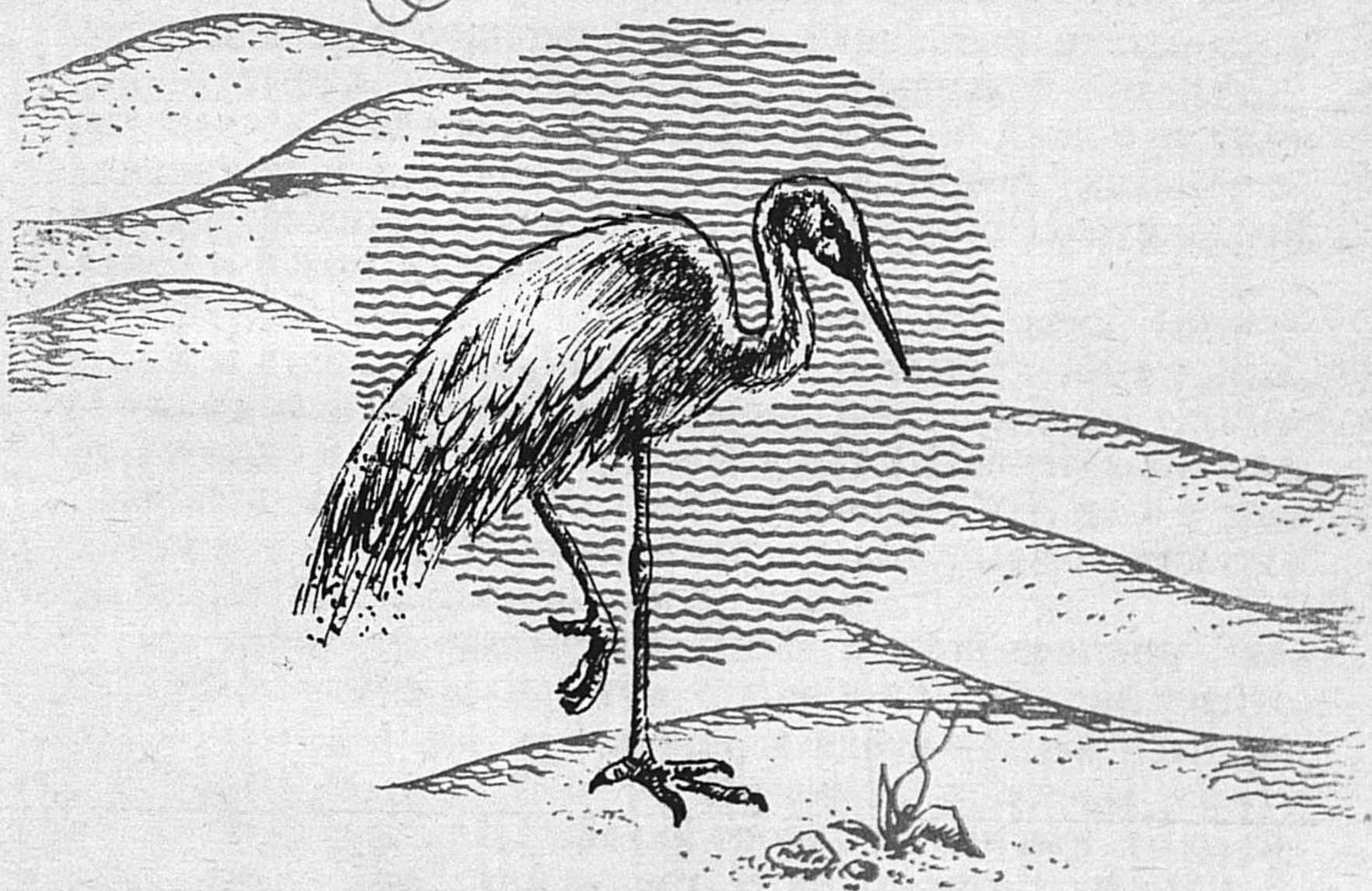
28.6 55
4-61

БОРИС ЩЕРБАКОВ

**У ОЗЕРА
ЗВЕНЯЩИХ
КОЛОКОЛОВ**

185611

Q

В. 05

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЖАЛЫН»
АЛМА-АТА — 1980**

ГОРОДСКАЯ БИБ-КА № 1
Г. УСТЬ-КАМЕЛОТОРСК

ББК 28. 688 (2К)

Щ 61

**В книге использованы фотографии:
Б. Бондина, Г. Линкевича, А. Лухтанова,
В. Мосолова, В. Нетисова, Б. Щербакова,
В. Якушкина**

Щ $\frac{70302-108}{408 (05) 80}$ 183 — 80 — 4702010200

© Издательство «ЖАЛЫН», 1980

ОСТРОВОК ПРОШЛОГО

Удивительна земля Восточного Казахстана. Чем больше ее узнаешь, тем больше восхищаешься и привязываешься к ней и тем больше загадок загадывает она. Все эти тайны, большие и малые, связаны прежде всего с особым географическим положением и историей этого края: здесь заканчивается Сибирь с

ее тайгой и соболями и начинается необъятная степь Казахстана с шелковистыми ковылями и сизой полынью— настоящим царством жаворонков. Здесь на высокогорных тундрах Алтая и Саура, увенчанных вечными снегами и льдами, живут некоторые животные и растения, пришедшие с далекого Севера: карликовые березки, белые куропатки. Ниже, у подножий гор, в глинистых пустынях и полупустынях, в горячих песках Зайсанской котловины ощущается знойное дыхание Центральной Азии с ее тушканчиками и птицами-пустынниками. Здесь крепко-накрепко сомкнули руки Север и Сибирь с Центральной Азией и Югом Казахстана.

Природа всегда в движении: проходят века, тысячелетия, в степях поднимаются леса, а там, где были леса, образовалась пустыня, на равнинах выросли горы, где было холодно и сыро, стало тепло и сухо. Меняется климат, меняются флора и фауна. Вот и здесь, нет-нет, да и встретишь следы давно минувшей жизни, которые сохранились на небольших островках земли.

На Монраке, вытянутом вдоль южной границы Зайсанской котловины, на этом сухом и каменистом хребте, опаленном солнцем, суховеями, и вдруг— реликтовые заросли маральего корня! А восточнее, в долине ключа Узун-Булак растет алтайский троллиус, или как его называют еще — сибирский огонек. И не древние пихты и ели, как прежде, шумят над ним, а горячие степные ветры. А в прокаленных насквозь песках Айгыр-Кум и Тас-Кум, раскинувшихся на востоке котловины, южнее Черного Иртыша, среди желтых барханов блестят листвой рощицы тяньшанской березы, стоящие в окружении серебристого и черного тополей, а то и просто среди тростников.

Не менее интересна и судьба местных животных. В горах Саура можно встретить тундряных куропаток, а в песках Айгыр-Кум у Черного Иртыша, по зарослям тополей, ивняков, облелихи и все тех же берез гнездятся... тетерева. Странно, тетерев-косач среди песков, где в знойный день дышать-то трудно?! А разве не поражает тот факт, что на горе Карабирюк, которая одиноко возвышается среди сухих глинистых просторов северного Призайсая, живут сурки! Десятки километров пустыни отделяют их от ближайших гор. Как, когда они попали сюда через пустынное безводье?

Единственный экземпляр полосатого полоза в нашей стране был пойман в сухом каменистом ущелье хребта Монрак. И совсем недавно зоологом К. П. Прокоповым в песчаной пустыне у поселка Буран было отловлено несколько восточных удавчиков — змей песчаных пустынь, расположенных южнее, в Балхаш-Алакольской впадине на юге Казахстана. Каким образом оказались они на правом берегу Черного Иртыша? Можно ли считать, что они жили здесь до того, как Иртыш проложил себе путь через эту землю?

Много еще реликтов на земле Восточного Казахстана, но наиболее интересной в этом смысле мне представляется Зайсанская котловина...

Меняются времена года, меняется и Зайсанская котловина. Все лето и осенью она желтая, рыжая и будто бы с налетом пепла, зимой — робко белая с большими плещинами голой земли, и только весной котловина вспыхивает изумрудной зеленью, серебром шелковистых ковылей. Не бывает она одинаковой даже в течение суток. Чиста и прозрачна ее даль ранним утром. Ближе к полудню котловина раскаляется и начинает полыхать миражами, плывут над горизонтом в северной части очертания неповторимых в своей красоте Киин-Кириш, Ашудасты, Кусто, Ярки... Острыми клиньями врезаются в озеро Зайсан мысы Бархот, Бакланий и Корджун. У северного берега дыбится над водой гора Чакельмес, а дальше на равнине темнеет Карабирюк, от которой на восток тянется длинная гряда низких сопок. Белым платком на равнине, покрытой чахлой травой, сверкает сухое дно озера Соркуль с ослепительной коркой соли. И опять плещется древний Зайсан, кажется издали, что он до краев наполнен солнечным светом...

А в полдень котловина и озеро тонут, растворяются в горячей дымке. Медленно тают вершины Карабирюк и Чакельмес. Лишь под вечер ветру удастся сдернуть с земли эту призрачную чадру. А седой Зайсан все волнуется, охая и вздыхая колотится в пустынных берегах...

КИИН-КИРИШ

Пустыня всегда поражает воображение человека. Но маленькая глинистая пустыня Киин-Кириш в северном Призайсанье — это действительно чудо нашей планеты. Киин-Кириш может очаровать каждого своей необычной яркостью: разноцветные холмы, «башни», «замки» и «юрты» окрашены в кирпично-красные, шоколадные тона, разлинованы зеленоватыми, голубыми и белыми пластами. Если посмотреть на пустыню сверху, покажется, что под тобой маленькая планета с таинственным и красочным ландшафтом. А впервые увидев Киин-Кириш, я назвал ее для себя Марсианской долиной. Мне казалось, что здесь из-за какого-нибудь холма может вполне появиться некое доисторическое чудище и ничего необычного в этом не будет.

Киин-Кириш, как и вся Зайсанская впадина, — это большая книга, бережно хранящая следы исчезнувшей с лица земли жизни. Но чтобы прочесть эту книгу, необходимо заглянуть в ее толщу...

Мне представляется одна из первых страниц этой книги. Я видел ее во время поездки в одно из ущелий Сайкана, запирающего с юга Зайсанскую котловину. По склонам, стискивающим отроги гор, четко просматривались разноцветные окаменевшие пласты древних отложений. А вокруг темнели от пустынного загара камни, покрытые накипью лишайников, и чахлые кустики редкой травы. В июльском зное ошалело стрекотали полчища кобылок. Лишь каменки и скалистые овсянки приятным пением разнообразили этот истошный хор. По дну ущелья бежа-

ла светлая, холодная речка Ак-Калка. На ее берегах можно найти удивительные камни: разобьешь такой булыжник — и увидишь великолепные отпечатки древних рыб, некогда плававших в древних морях. С тех пор прошло ни много ни мало около трехсот миллионов лет, это было время, когда на земле еще не было ни одного живого существа, дышавшего воздухом. Животным только предстояло выйти из воды на сушу, сделать свои первые шаги, взглянуть на солнце...

Менялся облик планеты, наступило время царствования древних ящеров-динозавров. Эти гигантские животные бродили в зайсанских просторах. Там, на южном берегу озера, по речке Тайжузген, чуть выше впадения в нее ключа Саргымас, геологами была найдена скорлупа яиц этих ящеров.

В разных местах Зайсанской впадины ученые-палеонтологи нашли кости самых удивительных зверей. Тридцать-тридцать пять миллионов лет назад, когда еще не было Алтайских гор, здесь простирались обширные лесостепи и саванны, по которым бродили стада газелей, антилоп, страусов, гиен и оленей...

В глинах Киин-Кириш обнаружены следы некогда бродившего здесь нашего первого предка-примата, «возраст» которого не менее тридцати миллионов лет.

Вспоминаются увиденные мной раскопки в северных предгорьях хребта Сайкан, в урочище Караунгур. Под метровой толщей одного из пологих склонов были найдены кости многочисленных животных — все тех же гиппарионов, махайродусов, страусов и гиен... Трудно сказать, что послужило причиной их коллективной смерти. Ученые считают, что они могли погибнуть от внезапного наводнения, или же наоборот — в результате длительной засухи, во время которой звери со всех окрестных мест собирались в одной точке, у водопоев. А может быть, река, особенно в половодье, смывала эти кости и сносила их в одно место. Не исключаются и другие причины.

Трудно теперь представить, что на месте этих безжизненных глин цвели и благоухали тропические леса из магнолий, пальм, араукарий, гинко, ильма и многих других экзотических ныне деревьев. Зеленые ковры водного папоротника-сальвинии покрывали теплые мелководные озера и болота. Но прошло время большой воды, и теперь влага появляется здесь только в виде редких дождей и

снега. Но по-прежнему она в содружестве с ветром настойчиво обрабатывает почву, окрашивая своими потоками равнину, подступающую с севера к Киин-Кириш.

На этом клочке зайсанской земли мы можем увидеть немало свидетельств того, как по вине человека исчезли многие звери, птицы, как остались лишь островки, на которых чудом сохранилась жизнь. Это, например, замечательный и редчайший грызун-селевиния, один единственный экземпляр которого был пойман на юге котловины в предгорьях Монрака. Пока только у поселка Буран найден хомячок Пржевальского, а на берегах Зайсана тушканчик Виноградова. Есть еще редкие звери, птицы и растения, дальнейшая судьба которых полностью зависит от человека.

А сама Киин-Кириш! Разве это не чудо здешней природы, разве это не памятник истории земли? Ее нужно занести в список уникальных ландшафтов... Рассказывают, что после нескольких дней пребывания среди слепящего солнца этой пустыни у человека начинаются галлюцинации. Трудный красавец — вот что в переводе с казахского означает Киин-Кириш.

Пустыня, словно море, безбрежная, вольная. Смотришь на ее необъятные просторы — и приходит желание хотя бы на миг представить ее прошлое, мысленно наполнить котловины, лежащие в кружеве синих гор, изнывающие в текучих струях сухого горячего воздуха.

В этом море горячего воздуха пламенеют разноцветные глины. Я иду по дну сухого моря и надо мной, словно огромные скаты, плывут орлы. Тени их бесшумно скользят по равнине, усыпанной мелкими, кремовыми окатышами. В зените — жгучее солнце. Гулками стопами отзываются шаги на сцементированной почве. Слышно, как поскрипывает, будто молотое стекло, галька... Вдали едва виднеется, качается на легком ветру серебряный Зайсан. Сухо царапают сапоги стебли пересохшей травы, с треском лопаются полые стебли ферул.

Здесь всегда находишь что-нибудь новое, удивительное. На этот раз с одним из частых моих спутников мы бродили по Киин-Кириш, нагружившись причудливыми корягами, кусками разноцветной глины, костями, отбеленными солнцем и ветром до блеска.

Мы зашли в неглубокий каньон, стиснутый отвесными красными стенами. В небольших нишах неподвижно висели полуоборванные сети пауков. Положив находки, мы осмотрели размытую трещину, в которой валялись перья филина. Здесь он, видимо, часто отдыхал во время зноя. Затем я нагнулся за нашими корягами и удивился: они словно перекрасились, из серых и белесых стали вдруг синеватыми. И лица наши посинели. А обломок почти красной глины потерял свой насыщенный цвет и стал бледно-морковным. Мы обратили внимание, что и воздух налился синевой. Однако больше всего поразили нас зеленые анабазисы: их листья-иглы обрели необыкновенно яркий, ранее невиданный нами изумрудный цвет. Товарищ, очарованный этим необычным цветовым превращением, принялся собирать гербарий. Однако взглянув еще раз друг на друга, мы перебрались в другую промоину среди таких же красноватых глин и вдруг дружно позеленели. Это было фантастично, цвета менялись часто и ни разу они не напомнили нам нечто привычное, земное.

Не решившись более испытывать свои нервы, мы выбрались из промоины к солнцу, открыв для себя еще одну причуду Киин-Кириш.

НАХОДЧИВЫЙ БЕРКУТ

В сизом от зноя небе, над опаленной Киин-Кириш, летел беркут. Ему было легко парить в восходящих от земли теплых струях воздуха, но сколько бы он ни смотрел, где бы сесть: ни холма, ни надмогильных развалин, ни столба. Беркут направился было к горам, что синели вдали, но тут на иссушенной глинистой

земле увидел маленький осколок чистого неба... Он сделал несколько кругов, снижаясь над находкой, плавно опустился и, выгнув шею, нескладно заковылял на своих крепких лапах к светлому пятну. Подошел, сунул клюв в это маленькое небо и оно колыхнулось. Это была лужица всего в три шажка в длину и два в ширину. Каким-то чудом она уцелела на этой, растрескавшейся от безводья земле! Орел напился и шагнул в лужу. Ему страшно захотелось выкупаться. Еще бы, вода в пустыне! Он распустил крылья и завалился в лужицу. Лежать в воде среди пустыни оказалось сверхблаженством: он вытянул шею, распластался от удовольствия. И ничего, что сверху по-прежнему пекло солнце, вода все-таки освежала.

Именно в этот час, недалеко от дороги, среди тщедушных кустиков полыни, мы заметили лежащего на земле беркута с разметанными крыльями. Мы решили, что птица мертва, но стоило только подойти поближе, как беркут поднял голову, подобрал крылья и, оттолкнувшись сильными ногами, поднялся и низко, едва касаясь земли, отлетел метров за триста. Сел и стал чистить испачканные глиной перья.

А едва мы отъехали, он вернулся, забрел в воду и растянулся в ней, положил голову наземь, словно прослушивая пульс пустыни...

ДРУЗЬЯ ИЛИ ВРАГИ?

Давно известно, что такие хищники, как орлы и лисицы, живут как враги: голодные беркуты нередко нападают на длиннохвостых, а лисица, надо полагать, не упустит случая придавить на ночном промысле орленка, легкомысленно вылетевшего или выпавшего из гнезда. Однако, чтобы взрослые орлы служили жерт-

вой лисиц — явление, по-видимому, редкое. По крайней мере, так думал я, пока не стал свидетелем любопытной сцены среди цветистых холмов Букомбая, расположенных в северной части Зайсанской котловины...

С первыми проблесками света в тот июньский день я оставил спящий лагерь и направился в увалы глины, которые крепко-накрепко прикипели к чахлой однообразной в своем цвете равнине. В глубоких промоинах светились изумрудно-зеленые кусты караганы, спиреи и ферулы. Всплескивая темными крыльями, «чекали» и приседали порхающие по уступам розовато-черные пустынные каменки. Показался беркут. На бреющем полете он прошелся над холмами и опустился на склоне одного из них. Я отлично видел его в бинокль: белые пятна помета на макушке увала свидетельствовали о том, что орлы любили здесь отсиживаться. Пока я разглядывал орла, из-за ближайшей горки выскользнула лисица и бесшумно затрусил к птице. Вытянув хвост, она медленно подходила к беркуту, тщательно внюхиваясь и постоянно оглядываясь. Пока я следил за сближением зверя и птицы, рядом с первой лисицей появилась вторая, потом третья и через минуту их было уже восемь. Восемь лисиц стояли кругом около беркута. Можно было подумать, что беркут — именинник и вокруг него звери ведут хоровод. «Именинник» не проявлял сколь-нибудь заметного страха, а лишь спокойно поглядывал то на одну, то на другую лисицу. Они подошли метра на полтора, потом интерес к беркуту как бы ослаб, они стали садиться, озираться по сторонам и почесываться. Спешно занимаю удобную позицию и выцеливаю эту компанию в «телевик». Но увы, как это бывает нередко, в подобных редчайших ситуациях, едва раздался щелчок затвора, как лисицы метну-

лись по сторонам в неопиcуемой панике, следом снялся и орел. Он медленно поплыл к отдаленной сопке, что возвышалась над другими, и неподвижно застыл на ее вершине. И тут произошло самое интересное: лисицы одна за другой стали собираться подле беркута. Как видно было, они полностью доверяли ему.

Как можно тише крадусь к ним. Однако стоит мне выглянуть из-за угла, беркут мгновенно замечает меня и слетает со своего наблюдательного пункта. В разные стороны бегут лисицы. И вот пернатый хищник опять темнеет на вершине глиняного купола. Опять вокруг него собираются звери, теперь уже только вчетвером. Они обеспокоены, смотрят в мою сторону, прислушиваются.

И я понял, что подслеповатые по сравнению с птицей лисицы полностью доверялись зрению орла. Они словно знали, что он обладает таким острым глазом, как они слухом и чутьем. А ведь в первый раз орел взлетел только потому, что заметил, как лисицы испугались, услышав щелчок затвора. Разве не добрые соседи? Получается, что у них общие слух, нюх и глаза. Вот и попробуй подкрадись, если тебя видят и слышат за километр.

Но правила добрососедства имели и свои исключения. Так однажды, посетив цветные глиняные Ярки у горы Чакельмес,— там тоже много было лисиц и орлов — я наткнулся на труп лисенка. У малыша был вырван бок. Рядом, на глине, белели пятна орлиного помета. Ясно было, что лисенок оказался жертвой хищной птицы.

КРУГЛОГОЛОВКИ

На плотных глинах, окрапленных мелким разноцветным бисером камешков, встречаются замечательные такырные круглоголовки. Спокойно сидящую ящерицу где-нибудь у кустика или на прогалинке заметить практически невозможно, ее увидишь только тогда, когда она пускается наутек. Если рассмотреть ящерицу, то вы увидите некоторые присущие ей особенности, делающие ее на вид карикатурной. Толстый жабий живот. На тонкой подвижной шейке круглая голова, тоже

похожая на жабью. Глаза слегка навывкате, спрятанные в кожистые серые веки, отчего кажутся старыми и усталыми, а взгляд — добрым и мудрым. И рот у нее странный, что называется, до ушей, в виде тонкой подковки. Серовато-палевая окраска кожи под стать к глинистым участкам, а шероховатость ее и разноцветные бугорки и выросты, расцвеченные красноватыми и синеватыми точками, словно камешки этой пустыни.

Пойманная ящерица, словно поняв, что вырваться бесполезно, прибегает к маленькой хитрости: она предварительно делает несколько глубоких вдохов и замирает, опрокинувшись кверху светлым брюшком. Она наглухо закрывает глаза и, разбросив в стороны лапки, лежит бездыханная. Можно подумать, что она знает закон о том, что лежащего не бьют. Но если минуту-две ее не трогать, она мгновенно переворачивается и бросается бежать, вихляя из стороны в сторону, то и дело натываясь на кустики и камешки. Останавливается лишь на миг, чтобы оценить обстановку, и опять бежит, куда глаза глядят. Время от времени она останавливается, скручивает на спине полосатый темно-оранжевый хвост и нервно помахивает им, а сама все время бдительно смотрит на этот древний мир своими «старыми» глазками и печально и загадочно «улыбается» неизвестно чему. Но я знаю, что ей не до улыбок, попадись она хищной птице или змее — не отпустят.

ЧИЕВНИКИ

Чиевники — самые распространенные заросли котловины. Они встречаются всюду на глинистых и каменистых равнинах. Они покрывают предгорья, одиночными пучками стоят вокруг родничков и нередко щетинятся среди поселков и аулов. Однако более всего они распространены в южной и юго-восточной частях котловины, по солонцам. Здесь куст от куста стоит всего лишь в нескольких метрах или почти вплотную, а между ними белесая от проступившей соли земля. Так

что идти здесь легко. Однако бродить среди чиевников неинтересно, они порой бывают настолько однообразными, что находиться в них просто скучно, и появляется желание, как можно скорее уйти. А заросли тянутся на десятки километров, и куда ни глянешь — повсюду только ажурные, слегка опущенные вершины его стеблей.

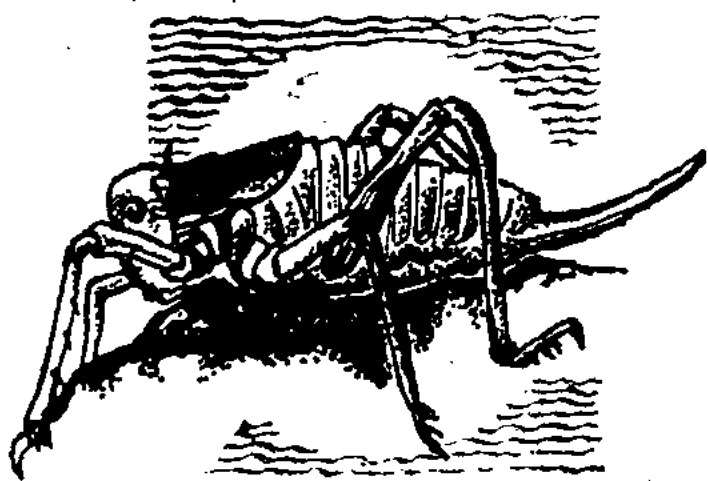
Чиин заселены странно: в одних местах встречается обилие мелких птиц, в других, напротив, ни пичуги, ни следа, только свищет с подвываниями ветер. Самыми обычными обитателями этих зарослей можно назвать малоприметных маленьких птичек — бормотушек. Если погода тихая, то их песни-скороговорки слышатся за десятки шагов. Не песня, а бормотание, за что, по-видимому, они так и названы. Бормотушки, усевшись в гуще кустов или на середине крепких чиинков, раздувают, как славки, горлышко, и льются воркующие переливчатые звуки. Как и вся местность, они рыженькие, и сидящую спокойно птичку не сразу заметишь. Совсем другое дело, когда встретишь семью черноголовых чеканчиков, будто сшитых из разноцветных лоскутов: они далеко видны и надоедливы. Раскачиваясь на макушках зарослей, они дергают темными хвостами, трепещут пестрыми крыльшками и чекают до тех пор, пока человек не выйдет из их владений. Только уйдешь от одного семейства, попадаешь к другому и так без конца — чеканчиков здесь много.

Кругом ни озерка, ни ручейка — безводье, а птицы, в основном связанные с влажными луговинами, оказывается, прекрасно живут здесь. Изредка среди редких зарослей можно встретить и черного жаворонка, вот, пожалуй, и весь перечень птиц сплошных чиевников. Из зверей трудно кого-либо увидеть, только по следам можно узнать, что бывают здесь ушастые ежи, лисицы, корсаки и зайцы-песчаники.

Кусты крепкие, стволики его на ощупь шершавые, как наждачная бумага. И с порывами ветра они начинают скрежетать и шуршать. Сухо и уныло поет тогда эта своеобразная желтая саванна. Ветры здесь — явление обычное: со всех сторон они атакуют просторы. В это время заросли на глазах преображаются, кусты под напором ветра пригибаются в одну сторону и становятся похожими на полчища гигантских дикобразов, воинственно устремленных навстречу ветру.

Ранней весной и в начале лета чии у основания покрываются зелеными молодыми листьями, а на длинных стеблях образуются пышные метелки, и в это время чиевые заросли напоминают низкорослый тростник. Всем давно известно, что заросли чии указывают на наличие воды на небольшой глубине. Это обстоятельство раньше использовали пастухи, здесь надо рыть колодец, знали они. Встреча с чиевником длится недолго, ведь все сейчас путешествуют на колесах, а это значит несколько минут, и позади остаются десятки километров. Поэтому, оказавшись в зарослях чиевников, я связываю их не с близостью грунтовых вод, а с полчищами «дикообразов», бредущих против ветра.

МУЭДЗИНЫ ПУСТЫНИ

Когда багровое солнце скрылось за далеким горизонтом и над причудливыми глинами Киин-Кириш засветили стаи стрижей, мы с товарищем повернули к лагерю. Темнело быстро, а до лагеря было далековато.

Непонятно, где зазвенел кто-то тонко и пронзительно. Установить источник этого звука было невозможно, похоже, что вся пустыня наполнилась этим чудным звоном. Опыт подсказывал, что это какое-то насекомое. И мы решили отыскать невидимого вечернего певца.

Сбросили амуницию и кинулись по сторонам на поиски. Торопимся, пока еще хоть что-то видно. Проходят минуты, звон не прекращается, а мы бестолково крутимся посреди пустыни, оглядывая и ощупывая землю и кусты. То вдруг начинает казаться, что звон впереди, однако стоит сделать несколько шагов, и он уже вроде бы позади, потом где-то сбоку. Подобное состояние я испытывал однажды, пытаюсь найти ремезов в гуще ветвей: писк их настолько тонкий, что трудно бывает определить, где сидит птичка.

Вдруг я заметил на коротеньком кустике оригинального растения пустыни и полупустыни анабазиса, малень-

кого музыканта. Заметил и ничего не понял, кто это — кузнечик или сверчок? Сидит на веточке крупный и толстый «желудь». Мы припали к земле, подползли, рассматриваем, слушаем... Стараемся не тревожить это странное с виду существо. А оно сидит и, как тот знаменитый соловей-разбойник, знай себе, свищет на всю округу. На толстом и белесоватом туловище, прикрытом сверху коротенькими крылышками, крупная голова. Ноги такие же, как у кузнечика — коленками назад, но менее изящные. Звенит это «чудище» около наших носов и нас не замечает. Подбираемся еще ближе, интересно, как же это у него здорово получается?! Ножками не стучит, крылышками не трясет. Но мы заметили, что крылышки-то у певца оттопырены, под ними маленькие округлые отверстия и звук, надо полагать, исходит оттуда...

Такого мы раньше никогда не видели и, понятно, как велик был наш интерес к этому загадочному существу.

Насекомое умолкать не собиралось и по-прежнему звенело на высоких нотах. Мне он напоминал муэдзина, кричащего с минарета, которого еще в детстве я слышал в небольшом среднеазиатском городке — Узгене. Как заколдованные, мы с товарищем продолжали удивляться необычной песне этого муэдзина пустыни. Увлечшись, мы так приблизились к анабазису, что я умудрился боднуть кустик, на котором сидел маленький солист. Он в тот же миг оказался на земле и, неуклюже, чуть боком, засеменял, волоча тяжелое брюшко. Не упускать же «чудо-певца!» Мы кинулись его ловить, но «зверь» тотчас остановился, приподнял передние лапки и издал серию таких тонких и скрежещущих звуков, что хоть уши затыкай. Я накрыл его ладонью. За неимением подходящей тары пленника посадили в футляр от бинокля.

Мы были счастливы, что обрели такого прекрасного музыканта. В небе уже зажглись первые звезды. Непривычная тишина давила, однако в ушах еще некоторое время стояла песня нашего пленника. И тут мы снова услышали такого же музыканта. Вскоре он разделил одиночество своего собрата.

Мы начали искать брошенные вещи, но не тут-то было. Оказывается, мы так закрутились, что совершенно потеряли ориентировку. И снова поиски, пока, наконец, не наткнулись на вещи.

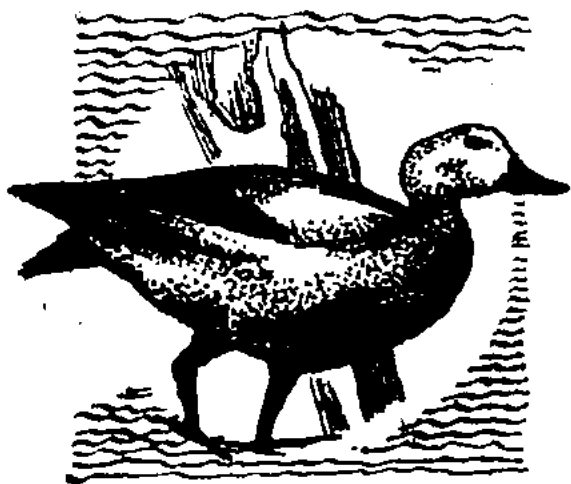
В лагере футляр с необычными насекомыми мы по-

весили на дверцу машины. На рассвете, как только заалела полоска неба, над лагерем возродился и повис звон. Дуэт шестиногих музыкантов слышался из висящего футляра, как из волшебной шкатулки. Только утренняя серенада оказалась очень короткой, и нам показалось, что звучала она как прощание с родной пустыней. Мы ведь знали, что в полдень увезем их далеко отсюда.

Дома я выпустил пленников в своей коммунальной квартире. Им неловко было бегать по крашеным полам и вообще они выглядели несчастными. Они прятались от дневного света среди комнатных цветов. На удивление эти жители безводных пространств много пили или же поедали сочную травку. Вероятно, у себя дома они утоляют жажду за счет воды в листьях солянок и того же анабазиса. Более месяца прожили эти странные насекомые у меня дома. Однако ни разу я не услышал желанного звона. Петь они не хотели. А комнатная прохлада и зелень с красными цветами в горшках были им чужды.

И только после я узнал, что насекомые эти называются кузнечиками-онконотусами, у которых крылья, утратив свое предназначение, превратились в стрекотательный аппарат, благодаря которому они так чудно озвучивают самые пустынные уголки Зайсанской котловины на вечерней и утренней заре.

НЕПОНЯТНЫЕ УТКИ

Красную утку или атайку в разных местах называют по-разному, зовут ее варнавкой, огарем. И, пожалуй, нет никакой другой утки, которая бы в гнездовое время встречалась в сухих и совершенно безводных местах. Они имеют привычку совершать далекие облеты, словно каждый раз хотят убедиться: не появился ли где родничок, а может быть, образовалась лужица после случайного дождя. И надо отдать должное, что нет здесь ни одного ручейка, чтобы его не знали атайки. И, пожалуй, в таком случае атайки могут подсказать, в какой сторо-

не искать воду. Появление атак над пустыней говорит о том, что где-то среди пустыни находится усыхающее озерко или ключик, спрятанный среди чиевников. Летят они низко, не спеша, и свойственными для них сипловатыми криками переговариваются: анг-анг, кау-кау-крррр!

Всегда восхищаюсь утками-варнавками, их способностями быть на виду и в то же время на расстоянии, безопасном для них. У меня и сейчас перед глазами стоят стайки и пары этих уток, летающих кругами над яркими пестроцветными глинами Киин-Кириш. Обнаружив однажды наш лагерь, они регулярно, каждое утро и вечером, прилетали, кружили около, садились на выступающие башни останцев. На фоне этих красивейших глин их рыжие с белыми лоскутами крылья казались еще ярче, еще наряднее, рыжее брюшко и спина буквально светились среди сургучно-красных куполов и башен. Их светло-палевые, почти белесые головы и плечи, словно посыпанные белой пылью солонцов, будто отражали светлые пласты и макушки глинистых холмов. Черные концы крыльев и хвосты еще более подчеркивали красноцветную пестроту этих сказочных птиц. Словно поняв, что мы очарованы, утки кружили над фантастическим ландшафтом Киин-Кириш и, как бы случайно, налетали на нас. Затем садились, но так, чтобы обязательно видеть нас, тянули шеи и о чем-то громко совещались. Затем снимались и, переговариваясь, улетали в сторону Зайсана или в глубь пустыни, чтобы появиться утром или вечером и осведомиться, убралась мы или нет.

Всем, кто побывал в пустынях Казахстана, варнавка хорошо знакома, разумеется, лучше всех о ней знают натуралисты. Если говорить о гнездовании, то тут она ведет себя не как утка. Гнезда устраивает в норах, промоинах или даже в глинах. Находили гнезда варнавки и в полуразвалившихся мазарах, и в различных ямах.

Непонятные эти утки! Водоплавающие и вдруг гнезда за десятки километров от воды. Мне, например, совершенно непонятно, как это они, гнездящиеся вдали от озер и рек, умудряются привести крошечных лапчатых утят через иссохшую, перекареженную дождями и солнцем землю. Так однажды мы наткнулись на разоренное утиное гнездо, находившееся в небольшой глинистой нише, километров за двадцать от воды. Вокруг были только ошетилившиеся скелеты злаков и кусты солянок. Невозможно представить, чтобы утята прошли это расстояние

под убийственным солнцем. Взрослому человеку пройти этот путь трудно. А тут игрушечные птенцы. Поэтому невольно приходится поверить рассказам пастухов и охотников, что варнавки своих птенцов переносят в лапах до ближайшего водоема. Разве не удивительная эта птица?

Кто больше, если не они, своим присутствием оживляют безотрадные пустыни. Каждый раз во время долгого пути испытываешь чувство радости, встречая этих рыжеватых птиц, являющихся подлинным украшением безотрадных равнин. Неоднократно в предгорьях Саура, Тарбагатая и Курчумского хребта, вблизи одиноких пастушьих юрт, я видел парочки этих уток, отдыхающих всего лишь в нескольких шагах от жилища. Такое отношение атаек объясняется тем, что их здесь не преследуют. Утки очень доверчивы к степнякам, которые считают их священными. О них сложены легенды. Но мне больше всех понравилась та, что связана с довольно странным названием огаря у казахов: ит-ала-каз, что в буквальном переводе означает собака-пестрый-гусь. Эта легенда очень хорошо описана у известного натуралиста и орнитолога Евгения Павловича Спангенберга, изучившего казахские степи за многие годы странствий. «В то далекое время также широко простирались необъятные казахстанские степи, рос саксаул, ранней весной зеленели травы, да по степям бродили стада баранов, табуны лошадей. Порою с монотонным звоном колокольцев пустыню пересекали караваны верблюдов. На своих высоких горбах они несли товары в Бухару и Хиву.

Тогда по степным просторам кочевали казахи, их юрты, то просторные и нарядные, то прикрытые потемневшей от дыма кошмой, стояли у степных колодцев. Жили в них богатые и бедные люди. Уже в то время среди скотоводов-кочевников существовало поверье, что редко-редко, быть может, один раз за несколько сотен лет, в одном из яиц красной утки зарождается не утенок, как в прочих яйцах, а казахская борзая собака — тазы. Найти такое гнездо считалось большим счастьем, а это счастье, по мнению кочевников, давалось далеко не каждому человеку. И вот жил тогда со своей семьей один бедный казах. Зимой и летом, с раннего утра до поздней ночи, он пас в степи баранов, то изнемогая под горячими лучами солнца, то ежась от холодного осеннего ветра. Однообразно протекала его жизнь. Но однажды летом волк ворвался в стадо и утащил одного из лучших баранов. Оставив свое-

го сына сторожить отару, пастух оседлал лошадь и поехал выследить волчье логово. Его безуспешные поиски продолжались весь день. Зашло солнце, и тогда он, стреножив свою лошадь и пустив ее пастись, лег у подножия песчаного бугра, укрылся халатом и крепко уснул.

Ранним утром, когда степь еще была окутана в пред-рассветные сумерки и по песку бесшумно скакали земляные зайцы, его разбудил голос какой-то птицы. Открыв глаза, он увидел двух красных уток. Они низко летали над ним и громкими криками выражали свое беспокойство. Рядом с тем местом, где он провел ночь, в разрушенной норе лисицы гнездились утки. Близкое присутствие человека и беспокоило красных уток. Пастух заглянул в темное отверстие норы, да так и отшатнулся назад. Там, в гнезде, среди только что вылупившихся из яиц утят, покрытых пухом, лежал совсем маленький светло-желтый щенок. Пастух осторожно вынул из гнезда утки собаку, завернул ее в платок и, наскоро оседлав лошадь, поскакал со своей чудесной находкой к родному аулу. Семья пастуха окружила щенка заботой и любовью. В неге и холе быстро росла собака и вскоре из неуклюжего, толстого щенка превратилась в прекрасную быстроногую тазы.

И вот с этого времени в юрту пастуха рекой потекло счастье. Чтобы он ни делал, за что бы ни брался, всюду его ждала удача. В свободное время пастух все чаще выезжал на охоту в степь и там наслаждался быстротой и неутомимостью своей помощницы. Быстрее ветра носилась собака по степным просторам, и от нее не могли уйти ни быстроногая антилопа-джейран, ни песчаный заяц, ни хитрая лисица. Даже дрофа-красотка, обладающая быстрыми ногами и крыльями, не успевала подняться в воздух, а попадала в пасть гончей собаки. Из лисьих шкур жена пастуха шила шапки, обменивала их на баранов и красивую одежду, а мясо пойманных антилоп и зайцев обменивала у соседей на молоко, сыр и масло. И стало им жить сытно и весело, с каждым днем все лучше и лучше, а с благополучием появилось много друзей.

В праздники к пастуху нередко съезжались гости, чтобы потешить себя веселой охотой, показать другим свою удаль и умение справляться с полудикой лошадью. Одни из них привозили лучших борзых собак, другие — крупных орлов-беркутов, полосатых ястребов. Своих ловчих птиц они натравливали на степную дичь. И тогда над сте-

пью разносилось гиканье лихих наездников, столбом поднималась пыль из-под копыт степных скакунов, порой слышался предсмертный крик затравленного зверя. Но наш пастух, обладатель великолепной борзой собаки, не участвовал в этих веселых забавах. Он лишь выполнял роль гостеприимного хозяина-хлебосола и веселого собеседника, но ни разу не похвастался своей собакой, ее быстрым бегом и ловкостью на охоте. Он был глубоко уверен, что бахвальство и излишняя гордость не приносят счастья.

И так шли годы. Пастух продолжал жить в довольстве и благополучии, которое длилось бы до конца его дней. Но не выдержал он и однажды, в охотничий праздник, вывел свою красавицу собаку и принял участие в веселой забаве. Быстрее ветра носилась его тазы по степным просторам за зверем, далеко позади оставляя лучших собак знаменитых охотников. Все восхищались ею, предлагали за нее небывалые цены, завидовали ее обладателю. Гордостью наполнилось сердце пастуха, а голова закружилась от счастья. Но это продолжалось недолго.

Кончился день, прошла ночь, а новый день принес семье пастуха несчастье: заболела собака. Она отказалась от пищи и неподвижно лежала на кошме в юрте хозяина. Прошло несколько дней, и гончая похудела настолько, что от нее остались одни кости да кожа. В одну темную осеннюю ночь, когда над степью свистел и завывал ветер, она с трудом поднялась с кошмы, лизнула языком лицо своего хозяина и вышла наружу. С того момента она исчезла.

Пришла суровая, снежная зима и принесла новые беды. Много домашних животных погибло от зимней бескормицы — джута. Совсем разорился и наш пастух, вновь став таким же бедным, как в далекие годы. Но тогда он был еще молод и мог надеяться на лучшее, а сейчас все для него осталось в прошлом...»

Красную утку степняки не трогали, связывая с ней свои мечты о счастье. Однако за последние годы кое-где численность этих «священных» птиц заметно сократилась. Виноваты в этом люди — любители пострелять по живой мишени. И поэтому очень бы хотелось, чтобы каждый бережно относился ко всему живому, в частности к этой птице.

ЕРЕМОСТАХИС

На голых глинах, на желтых песках каждую весну прорастают, распускаются, зреют и на корню засыхают оригинальные растения пустыни и полупустыни — еремостахисы. Первое тепло: из земли выходят ростки и несколько дней стоят зелеными свечами над еще голой землей. По ночам холодно, а в полдень припекает. Другому зеленому отпрыску не выжить бы, а еремостахис живет. Стебель и листья у него по-

крыты светло-серым шерстистым «мехом», одновременно согревающим и спасающим его от перегрева. Сколько живет, столько и спорит оно, это небольшое, непохожее ни на какие другие растения, с суровой пустынной природой. Как бы там ни было, но к тому времени, когда солнце предельно высушит землю, еремостахисы вызревают и разбрасывают семена, чтобы повторить себя...

Сколько раз, встретив это растение, я невольно останавливался, залюбовавшись им: кругом мертвенные пески, а они зеленые и восторженные, как восклицательные знаки, торчат из земли на вершок, не больше. Мал он, да взять его не просто — на листках колючки-шипы, бутоны и те когтистые и цепкие, похоже, всему белому свету не доверяют, вооружились против всех: против солнца, против холода, зноя. И человеку в руки сразу не взять и скотине не съесть. Так и растут, пока однажды все-таки, доверившись теплу и свету, откроют зеленые чашечки прицветников, похожих на звезду, а в них играет пламя цветка. От земли до макушки еремостахис покрывается нежными цветками, в которых, как в глазах, отражается пожелтевший мир родной ему опаленной солнцем пустыни.

Как и у многих других раннецветущих растений, век у него короткий: недолго пламенеют его нежные цветы. Солнце и ветер сушат, бьют и обесцвечивают их. Остается пустая зеленая чашечка вместо цветка. Чашечки еще долго зеленеют, как цветы. Поэтому многие думают, что у еремостахиса цветы зеленые, и удивляются

этой редкости, пока не побывают в пустыне ранней весной.

В летний зной еремостахис постепенно сохнет, светлеет и бледно-желтым карликом стоит до глубокой осени. Как бумажные, шуршат на ветру его чашечки-граммофоны. И не верится, что в них когда-то была жизнь и тем более нежные и яркие цветы.

УДИВИТЕЛЬНАЯ ПТИЦА

Каждый раз, когда я вспоминаю наши южные пустыни с их солнцем, чахлой растительностью, миражами, перед глазами непременно встают стремительно летящие стайки садж.

Саджа — удивительная птица. И не только тем, что она прекрасно приспособилась к жизни в безводной пустыне и, следуя на водопой, пере-

секает подчас большие расстояния: Саджа оригинальна и внешне. Она будто бы вобрала в себя черты многих птиц и даже зверьков: у нее голубиная голова, клюв по форме — куриный, большие и сильные мышцы груди, как у сокола, острые крылья, хвост, украшенный двумя длинными и тонкими косицами, как у ласточки. Окраска перьев пестрая, в основном темного и рыжеватых тонов. Своеобразный струйчатый рисунок верхней части тела делает ее похожей на серую куропатку. А вот лапы — таких нет ни у одной птицы: три сросшихся пальца вдобавок покрыты рассученными перышками, похожими на шерсть, отчего они больше напоминают лапки зверька, вдобавок с торчащими короткими коготками. Снизу лапки саджи покрыты слоем толстой кожи, словно подшиты кирзой — это для того, чтобы не обжигаться о раскаленный песок! Нельзя сказать, чтобы ступни их походили на копытца, однако за свою оригинальность их сравнивают именно с ними, поэтому саджу иногда и называют копыткой.

Глинистая полупустыня Зайсанской котловины... Бисер кремowych камешков кварца, которыми в северной части буквально усыпана земля, тускло отсвечивает низкое ут-

реннее или вечернее солнце. Приземистые кустики солянок и полынок покрывают растрескавшуюся глину. Рыжая даль, горячее солнце, глубокие трещины и дрожащий, словно расплавленный воздух... Здесь по-особому, отупляюще действует полуденное солнце, отчего кажется, что жизнь вокруг совершенно вымерла, но неожиданно тишину нарушает едва уловимый звук... Проходят секунды, и над головой стремительно проносится пара рыжеватых, непрерывно переговаривающихся приятными грудными голосами птиц. Еще несколько секунд, и они исчезают, растаяв в мираже, и лишь еще некоторое время слышатся их веселые, журчащие голоса. И снова слепящее безмолвие. Позади остаются десятки, сотни метров, и снова вдали зарождаются голоса и появляются стайки спешащих на водопой садж. Летят они быстро и ровно. Двадцать-тридцать километров до воды — для них — пустяки. Известно, что гнездятся они далеко от водоемов.

Саджа — блестящий пример птицы, научившейся жить в тяжелых условиях пустыни: Ее рыжеватый, с тонкой штриховкой из поперечных полос наряд сливается с общим фоном глинистой земли, изрезанной темными трещинами.

Саджа кладет яйца на голую землю, и лежат они, как камешки-невидимки. Но более всего удивляет окраска новорожденных. Мне вспоминается встреча с выводком пуховичков саджи, которые вылупились всего несколько часов назад. Прижавшись к земле и прикрыв глаза, они не проявляли никаких признаков жизни. Рисунок рыжеватого пуха до того искусно маскировал птенцов, что, фотографируя их, я несколько раз терял из виду птенцов. На поиск уходили минуты. Я даже думал, может, они удрали куда, пока я возился с аппаратом? И каждый раз я находил их на прежнем месте, в той же позе. Когда мы наткнулись на небольшое гнездовое поселение и начали искать гнезда саджи, то старались не наступить на яйца, потому что заметить их было невероятно трудно, почти невозможно.

В прошлом огромные стаи саджи пересекали пустынные просторы Казахстана, во время осенних и весенних кочевок. Но неумеренный отстрел птиц привел к тому, что во многих местах саджи стало заметно меньше и в конечном итоге численность ее кое-где резко снизилась. Отмечено это и в районах, прилегающих к озеру Зайсан. Но